

RU

Метатекст в художественном дискурсе постмодерна: когнитивно-прагматический аспект

Кудрявцева М. И.

Аннотация. Цель исследования состоит в определении когнитивно-прагматических особенностей метатекста в постмодернистском художественном дискурсе. Научная новизна исследования заключается в изучении эксплицитных и имплицитных способов реализации метатекста в художественном дискурсе постмодерна, функционирующих на различных текстовых уровнях, а также в выяснении прагматических особенностей метатекстовых элементов. В результате исследования уточнены когнитивно-прагматические характеристики метатекстовых элементов, позволяющих автору моделировать процесс возникновения и функционирования ассоциаций читателя по поводу художественного текста и его взаимосвязей с другими текстами, а также программировать воздействие на предполагаемого адресата.

EN

Metatext in Postmodern Artistic Discourse: Cognitive-Pragmatic Aspect

Kudryavtseva M. I.

Abstract. The aim of the research is to determine the cognitive and pragmatic features of metatext in postmodern artistic discourse. The scientific novelty of the research lies in studying the explicit and implicit ways of implementing metatext in postmodern artistic discourse, functioning at different textual levels, as well as in determining the pragmatic features of metatextual elements. As a result of the research, the cognitive-pragmatic characteristics of metatextual elements have been clarified, allowing the author to model the process of the emergence and functioning of the reader's associations about a literary text and its correlation with other texts, as well as to program the impact on the supposed addressee.

Введение

Как неоднородное интеллектуальное течение, сложное по своему характеру, постмодерн прошел сложную эволюцию от рассмотрения частных явлений в различных гуманитарных сферах до легитимации нового исторического состояния общества и культуры. Поливариативность толкований терминов *постмодерн* и *постмодернизм* обусловлена постоянной изменчивостью современной социокультурной ситуации и трансформацией самого постмодерна. В научной парадигме филологии постмодернизм как сложный культурный, литературный и лингвистический феномен не имеет окончательного, удовлетворяющего всех исследователей определения, а представления о нем продолжают уточняться. Правомерно в этой связи утверждение И. П. Ильина (1999): «Одним из наиболее распространенных принципов определения специфики искусства Постмодернизма является подход к нему как к своеобразному художественному коду, т.е. своду правил организации “текста” художественного произведения» (с. 252).

Понятийной доминантой постмодернизма принято считать миропонимание с позиций освоения действительности культурой. Художественный дискурс постмодерна всегда эксплицитно или имплицитно содержит комментарии к предшествующим текстам, культурным и историческим эпохам, имеющим собственные смыслы. Специфика постмодернистского художественного дискурса состоит в понимании текста как реальности, а метатекст и метатекстуальность в этом процессе играют ключевую роль ввиду формирования иллюзии диалога автора и читателя в процессе создания самого произведения и прогнозирования векторов его интерпретации. Многозначность термина *метатекст* в современной научной парадигме обусловлена теми различными ракурсами, в которых этот сложный по своим характеристикам и функциям феномен изучается, однако стоит обратить внимание на то, что аксиоматичной для лингвистики стала трактовка метатекста как «рефлексии говорящего по поводу собственного речевого поведения, которая может быть связана как с употреблением

отдельно взятого слова, так и содержательным планом текста, его композиционным построением, смысловой структурой» (Лукина, 2009, с. 52).

Актуальность исследования определяется необходимостью выявления особенностей формирования и функционирования метатекста в художественном дискурсе постмодерна на основании рассмотрения этого феномена с позиций его воздействия на адресата и моделирования его когнитивной деятельности, предполагаемой и направляемой автором, по поводу такого дискурса.

Материалом исследования послужил текст романа А. Битова (2000) «Пушкинский дом», написанный в 1964-1971 гг. и впервые изданный в 1987 г.

Задачи исследования определяются его целью: необходимо определить функциональный статус метатекста в художественном дискурсе постмодерна; на материале текста романа А. Битова (2000) «Пушкинский дом» выявить и описать дискурсивные маркеры метатекста; уточнить набор прагматических средств, с помощью которых метатекст в художественном дискурсе определяет направление читательской интерпретации.

Методы исследования образуют целостный комплекс, ведущая роль в котором отведена индуктивно-дедуктивному методу, прагмасемантическому, дискурсивному и контекстологическому методам анализа, методу филологической интерпретации.

Теоретической базой исследования выступают работы А. Вежбицкой (1978), Ю. М. Лотмана (1998), А. В. Кузнецовой (2020), Н. К. Рябцевой (1994), В. А. Шаймиева (1996). Мы трактуем метатекст одновременно и как «текст в тексте», и как «текст о тексте», соглашаясь с А. В. Кузнецовой (2020) в том, что «метатекст... представляет собой один из важных компонентов текста художественного. Художественный текст имеет диалогическую природу в координатах «автор (продюцент, адресант) – читатель (реципиент, адресат)», а автор и/или повествователь, рассказчик может объяснять или комментировать собственную манеру речи с целью уточнения вектора предполагаемой интерпретации текста читателем» (с. 266).

Практическая значимость исследования состоит в возможности применения его результатов в преподавании вузовских курсов по теории языка, когнитивной лингвистике, социо- и прагмалингвистике, филологическому анализу текста, проблемам изучения литературы постмодернизма.

Основная часть

Метатекст в постмодернистском художественном дискурсе: функциональный статус

Постмодернизм постулирует полную произвольность соотношений знака и означаемого, которая обуславливается исключительно ценностной картиной мира субъекта высказывания и его выбором. При этом сам субъект множественен, непостоянен, верифицируем исключительно в коммуникативном акте: «...центральное внимание философия постмодерна уделяет не содержательным, а сугубо языковым моментам» (Можайко, 2001, с. 430). Постмодернизм сосредоточен, таким образом, не на осмыслении готового знака или текста, а на самом процессе его продуцирования, на множественности его истолкований. В литературе постмодерна существует целый ряд таких произведений, в которых основным объектом эстетического познания становится процесс создания художественного текста. Это так называемая метапроза, отличительные качества которой выделяет М. Н. Липовецкий (1997, с. 45-46):

- тематизация процесса творчества;
- высокая степень репрезентативности «внезаходимого» автора-творца, находящего своего текстового двойника в образе персонажа-писателя;
- зеркальность повествования, позволяющая постоянно соотносить героя-писателя и автора-творца, «текст в тексте» и «рамочный текст»;
- «обнажение приема», переносящее акцент с целостного образа мира, создаваемого текстом, на сам процесс конструирования и реконструирования этого еще не завершенного образа;
- пространственно-временная свобода.

Метатекст рассматривается в «узком» и «широком» смыслах, обнаруживая два основных вектора исследования: «узкое понимание» предполагает изучение метатекста как высказывания о высказывании как рефлексии Говорящего о собственном высказывании (Вепрева, 2002; Ляпон, 1986; Норман, 1994; Перфильева, 2006; Шумарина, 2009); «широкое понимание» опирается на коммуникативно-смысловое членение текста, а метатекст является в данном случае способом ранжирования информации по степени важности (Рябцева, 1994; Шаймиев, 1996). В «широком» смысле потенциально присутствует некий второй план, т.к. метатекст обнаруживает способность к организации текстовой композиции и аргументации позиции Говорящего в соответствии с авторским замыслом. Также такой подход позволяет не только выявить функционально-семантические и прагматические особенности метатекста, но и описать его текстообразующий потенциал.

Очевидно, что постмодернистский художественный дискурс представляет собой собственно текстовую фиксацию вымышленной реальности, созданной фантазией автора, и взаимодействующую с ней, но тем не менее зачастую автономную от сюжета метатекстовую сферу, которая позволяет нивелировать границы художественного творчества, литературной критики и собственно науки о литературе. О художественном дискурсе мы вправе говорить именно в связи с тем, что посредством метатекста автор получает возможность выстроить диалог с читателем, представив творческий процесс в качестве объекта анализа.

Дискурсивные маркеры метатекста в романе А. Битова «Пушкинский дом»

Метатекст может иметь различные объем и структуру – от единственной лексемы или лексического сочетания до сложного синтаксического целого или абзаца. Отражая вторичную информацию, которая имеет дополнительный характер, метатекст детерминирован речевыми шагами продуцента дискурса. Метатекст может быть выражен эксплицитными (глаголы речи и мысли, вводные и вставные конструкции – *рассмотрим, вернемся, думается, представляется, образно говоря* и т.п.) и имплицитными способами (пояснение – *то есть* и пр., уточнение – *именно* и пр., мотивирующий маркер – *так как* и пр.). Для художественного дискурса важной оказывается способность метатекста репрезентировать авторские и/или персонажные комментарии, которые обнаруживают рефлексию субъекта речи, отражающую его отношение к собственной речемыслительной и творческой деятельности.

Так, в тексте романа А. Битова (2000) «Пушкинский дом» представлены метатекстовые по своему характеру контексты различного объема. Примечательны макроконтексты, которые включены автором в повествование как самостоятельные вставные эпизоды. Одним из эффективных средств создания дискурсивного пространства постмодерна в данном случае становится выделение такого метатекста в основном тексте курсивом, например: «*Читая и сличая с жизнью, покажется, что дух общежития и коммунальной квартиры зародился в литературе раньше, чем воплотился наяву, как раз в подобном авторском отношении к сцене: автор в ней коммунальный жилец, сосед, подселенный*» (с. 67).

Основной целью метатекста в постмодернистском художественном дискурсе является создание необходимых координат для эстетического познания читателя и его интерпретации событий и авторских оценок в повествовании, причем автор практически лишает читателя возможности создать собственный, пусть и умо-зрительный, метатекст, например: «*Нас всегда занимало, с самых детских, непосредственных пор, где прятался автор, когда подсматривал сцену, которую описывает. Где он поместился так незаметно? В описанной им для нас обстановке всегда имелся некий затененный угол, с обшарпанным шкафом или сундуком, который выставляют за изжитостью в прихожую, и там он стоит так же незаметно и напрасно, как тот автор, который все видел как бы своими глазами, но только скрыл от нас, где были эти его глаза... Там он стоит, в глухом сюртуке, расплывчатый и невидимый, как японская ниндзя, не дыша и не перетаптываясь, чтобы ничего не упустить из происходящего в чужой жизни, не таящейся от него из доверчивости, или бесстыдства, или привычки и презрения к нему*» (Битов, 2000, с. 67). В приведенном макроконтексте употребление местоимения *нас* (выделено курсивом) создает для читателя возможность воспринимать приведенную интерпретацию статуса так называемого «всевидящего автора» (см. об этом: Успенский, 2000) как собственную, хотя, конечно, такое эстетическое познание принадлежит собственно автору художественного текста, преобразующему текст в дискурс на основании выстраивания диалогических отношений «автор – читатель».

Важным маркером метатекста следует считать и употребление в дискурсивном пространстве глаголов мысли, речи, эмоционально-чувственного значения, а также их производных в составе различных лексических сочетаний, которые позволяют читателю быть вовлеченным в процесс обдумывания произведения, в его анализ, а зачастую – и в сам процесс создания художественного текста, например: «*Достоевский, наверно, еще и потому лучше всех “держит” многочисленную, “кухонную” сцену, что сам никогда не скрывает своей “подселенности” к героям: он их стесняет, они не забывают, что он может их видеть, что он – их зритель. Эта замечательная откровенность соглядатайства делает ему пережающую время честь. Такая большая объявленная условность – истинно реалистична, ибо не выходит за рамки реально допустимого наблюдения. Рассказ от “я”, в этом смысле, самый безупречный – у нас нет сомнений в том, что “я” мог видеть то, что описывает*» (Битов, 2000, с. 67-68). В приведенном контексте такими лексическими маркерами метатекстуальности являются: «*держит» сцену, не скрывает, стесняет, не забывают, может видеть, зритель, откровенность соглядатайства, делает ему честь, объявленная условность, рассказ от «я», нет сомнений, описывает.*

Одним из частотных маркеров метатекста является и употребление вставных конструкций, создающих иллюзию авторского мыслительного процесса, совпадающего по времени с чтением самого художественного текста, например: «*Зато сколь сомнительны, именно в этом смысле, объективно-реалистические решения, почти тающиеся как раз собственно реализмом, где все выдается за “как есть”, за “как было на самом деле”, путем именно устранения той щелочки или скважинки, в которую подсматривает автор, тщательного ее замазывания и занавешивания*» (Битов, 2000, с. 68). Отметим здесь, что вставная конструкция *именно в этом смысле* позволяет автору осуществлять диалог с читателем путем уточнения, акцентирования определенных, важных для него самого дискурсивных смыслов.

Конкретизаторами метатекста выступают и лексические повторы, например: «*И еще раз двойной отец, когда наступает возмездие, когда он раздавлен собственным предательством, когда расширяется образ дяди Диккенса и заслоняет отца... Потому что хотя автор и посмеивается надлевой за юношескую игру воображения, однако и сам еще не решил окончательно, что дядя Диккенс ему не отец. Чего не бывает?..»* (Битов, 2000, с. 52-53). В приведенном контексте лексема *отец* повторена трижды, что, собственно, необходимо для акцентирования внимания адресата художественного дискурса и метатекста, в частности, на конкретной теме семейных отношений главного героя Левы Одоевцева.

Риторические обращения и вопросы создают иллюзию прямого диалога с читателем, что принципиально важно для функционирования дискурсивного пространства постмодерна, например: «*Это и заставляет нас как раз уже и не по-детски сомневаться в реальности литературного происшествия. Если нам не объявлена*

условность, субъективность, частность решения, то еще прочесть из снисходительности, как поплодировать безголосому, можно, но поверить по переживанию и разделить – представляется затруднительным. Откуда он знает? с чего он взял?..» (Битов, 2000, с. 68). Размышления автора о природе авторства поданы именно с позиции читателя, что, разумеется, отвечает основной эстетической задаче продуцента художественного дискурса – стереть границы объективной действительности и реальности художественной. Также в следующем фрагменте риторические вопросы позволяют направить когнитивную деятельность адресата, который должен последовательно интерпретировать сюжетные события: «Какая Фаина? Откуда Митишатъев? Что за “сокровенные” листки? Мы уже не раз обмолвились, что расскажем о чем-то потом; нам было некогда, а теперь – уже негде» (Битов, 2000, с. 130).

Метатекст может быть реализован и с помощью имплицитных способов в пределах собственно метатекстовых фрагментов, например: «Следовательно, никогда, ни при каких условиях, ни для одного человека не происходило действия в общем, объективном, безучастном значении. Выдавать натужную “объективность” за реальность – достаточно самонадеянно» (Битов, 2000, с. 68). Продуцент метатекста посредством вводного слова *следовательно* достигает своей эстетической цели – вовлечь читателя в его рассуждения о природе писательского труда, художественной литературы и подвергнуть деконструкции некоторые сформировавшиеся у адресата стереотипы об объективности происходящего в художественном тексте.

Таким же имплицитным способом манифестирования метатекста стоит считать и отношения пояснения, уточнения, представленные в следующем фрагменте посредством лексического сочетания *то есть*: «Так же не вызывает особых подозрений сцена, решенная через одного из героев, пусть и в третьем лице, но одним лишь его зрением, чувствованием и осмыслением, где только по одному видимому поведению и произнесенным вслух словам других героев можно строить предположения о том, что они думают, чувствуют, имеют в виду и т.д. *То есть* как раз субъективные (с точки зрения субъекта – автора или героя) сцены не вызывают подозрений в реальности изображенной реальности» (Битов, 2000, с. 68). Несомненно, такая структура позволяет автору фокусировать внимание адресата на важных, с его точки зрения, аспектах создания художественного текста, что, в свою очередь, дает возможность вовлечь в читателя в диалог.

Воссоздание мыслительного процесса, необходимого для продуцирования художественного дискурса, происходит и за счет антистетических построений, которые не только опираются на основополагающие для человеческого мышления ассоциации контраста, но и позволяют читателю следовать за автором в акте художественного познания, например: «Поэтому отец еще раз двойной, на следующий день воспоминаний даже не о нем – об образе его (ведь мы же его выдумали). На следующий день образ его – двойной уже иначе: с одной стороны, “видный мужчина”, воспользовавшийся успехом и к которому подросток ревновал мать, с другой – легко поддающийся влиянию чужого мужчины, которого, видимо, предпочитает жена» (Битов, 2000, с. 52). В приведенном макроконтексте, представляющем собой метатекст, структурно-семантическими элементами антистетического построения являются индивидуально-авторские антонимы «*видный мужчина*» – *легко поддающийся влиянию чужого мужчины*, однако в этом фрагменте представлено и имплицитное противопоставление *день сюжетных событий* – *следующий день, отец* – *образ отца*.

Прагматическая специфика метатекста в художественном дискурсе постмодерна

Прагматика метатекста направлена на реализацию интерпретации текстовых и языковых явлений, в процессе которой происходит их трансформация. В этой связи с уверенностью можно утверждать, что метатекстуальная интерпретация имеет своей целью упрощение понимания объекта познания на основании новой методологии его описания, которую предлагает метатекст. В тексте романа А. Битова (2000) «Пушкинский дом» используются прагматические средства, позволяющие автору мистифицировать сокращение дистанции между собой как творцом художественной реальности и читателем. Так, например, автор достигает такого эффекта путем описания эпизодов, которые могли бы произойти с каждым, «обытовления» сюжетной ситуации, например: «Тут наблюдался один эффект, который наводит нас на одну легкую мысль о природе прозы, и мы не можем удержаться от этого намека... Эффект этот заключается в том, что, внезапно наткнувшись на страничку человека, хорошо знакомого или даже близкого, но про которого мы не знали, что он “пописывает”, и с непонятной жадностью прочтя ее, мы тут же начинаем знать о нем как бы во много раз больше, чем знали до сих пор путем общения» (с. 137). В приведенном фрагменте созданию такой мистификации помогает употребление местоимения *мы*, а также в целом описание довольно распространенного в непрофессиональной среде отношения к прозе: *наводит нас на одну легкую мысль о природе прозы*, при этом ключевой в данном высказывании, конечно, является лексема *легкую*, содержащая намек на некорректность интерпретации художественного текста как описания того, что в действительности происходило с автором.

Прагматика метатекста в постмодернистском дискурсе направлена на конструирование авторской интерпретации событий, происходящих в художественном тексте, который создается его творческими усилиями, при этом такая интерпретация не является линейным продолжением текста, скорее, она отсылает к фоновым знаниям читателя, опираясь на его опыт, например: «И если мы не знаем, как было на самом деле, то опыт подсказывает, как не могло быть. Ведь ни у одного человека нет такого опыта, в котором он бы не был непосредственным, хотя бы и пассивным, участником...» (Битов, 2000, с. 68).

Важной прагматической особенностью метатекста стоит считать также обращение автора к прецедентным феноменам – именам, ситуациям, высказываниям и текстам, например: «Сверху может видеть только Бог, если предварительно договориться, что он есть. Но писать с точки зрения Бога позволял себе лишь Лев Толстой,

и мы не будем здесь даже обсуждать, насколько правомочны были эти его усилия. Тем более что наш герой назван Лево́й в его честь не то нами, не то его родителями...» (Битов, 2000, с. 68-69). Безусловно, употребление в данном метатекстовом фрагменте прецедентного имени *Лев Толстой*, а также аллюзия к прецедентному высказыванию Вольтера: «Если бы Бога не существовало, его следовало бы выдумать» (в приведенном фрагменте: *только Бог, если предварительно договориться, что он есть*) – позволяют целенаправленно создать у читателя ассоциативную связь имени главного героя и имени писателя (*наш герой назван Лево́й в его честь не то нами, не то его родителями*) с необходимой автору оговоркой о дистанцированности от созданного им же мира (*не то... не то*).

При том что границы метатекста и собственно текста часто не маркированы намеренно и метатекст не осознается как какой-то внеположный тексту элемент, можно тем не менее говорить об определенной смене регистров повествования хотя бы потому, что автор обращается не к сюжетной событийности, а к обыденному и духовному опыту читателя, тем самым достигая нового знания, выявляя сущность конкретного анализируемого им явления. Так, например, А. Битов (2000) обращается к анализу различных явлений художественной словесности с позиций науки о литературе, таким образом обнаруживая восприятие своего читателя как обладающего для этого достаточными компетенциями: «Приостанавливая разбег, мы хотим еще раз подчеркнуть, что для нас литературная реальность может быть воспринята реальностью лишь с точки зрения участника этой реальности. И что, в этом смысле, то, что принято полагать за оптимальный реализм, а именно: все – “как было”, как бы без автора, – является в высшей степени условностью, причем неоткровенной, не вызывающей доверия формально формалистической. И тогда мы сочтем за реализм самостремление к реальности, а не одну лишь привычность литературных форм и даже норм» (с. 69).

Прагматические средства, реализуемые в рамках метатекста в постмодернистском художественном дискурсе, в целом направлены на детализацию восприятия авторского замысла и корректное структурирование читательской интерпретации.

Заключение

Анализ метатекста в постмодернистском художественном дискурсе на материале текста романа А. Битова «Пушкинский дом» позволил прийти к следующим выводам:

Функциональный статус метатекста в постмодернистском художественном дискурсе определяется тесным взаимодействием в этом дискурсивном пространстве собственно вымышленной реальности, актуализированной в сюжетной событийности, и метатекстовой сферы, в которой автор разрушает границы собственно творчества и литературного произведения, литературной критики или литературоведения. Само наличие метатекстовых элементов в художественном тексте позволяет судить о таком тексте как о последовательно выстраиваемом диалоге автора и читателя и, следовательно, о дискурсивном характере такого текста.

В данной статье были проанализированы метатекстовые компоненты, включенные в художественный текст в качестве самостоятельных вставных эпизодов. Дискурсивными маркерами метатекста выступают графические средства (например, выделение курсивом), употребление местоимения *мы* для сокращения дистанции между автором и читателем, реализация в метатекстовых контекстах глаголов мысли, речи, глаголов с эмоционально-чувственным значением, а также их производных в составе различных лексических сочетаний. Также метатекст может быть репрезентирован посредством вставных конструкций, лексических повторов, риторических обращений и вопросов, лексически и синтаксически маркированных отношений следования и противопоставления, пояснений и уточнений.

Прагматика метатекста в постмодернистском художественном дискурсе направлена на создание необходимых координат эстетического познания читателя, на корректное декодирование адресатом сюжетных событий и авторских оценок в художественном тексте в рамках их авторской интерпретации: это достигается путем «обытовления» сюжетных эпизодов, опоры на фоновые знания читателя, обращения автора к прецедентным феноменам и создания аллюзий и ассоциаций.

Перспективы исследования заключаются в возможности использования его результатов для построения алгоритма декодирования читателем смыслов художественного текста, для выяснения корреляций коммуникативных намерений автора и рецептивно-интерпретативной деятельности читателя, для моделирования языковой личности потенциального читателя, способного осуществить адекватную художественному дискурсу интерпретацию, в том числе и применительно к текстам предшествующих постмодернизму исторических этапов мирового литературного процесса.

Источники | References

1. Битов А. Пушкинский дом: роман. СПб.: Азбука, 2000.
2. Вежбицкая А. Метатекст в тексте // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1978. Вып. 8. Лингвистика текста / сост., общ. ред. и вступит. ст. Т. М. Николаевой.
3. Вепрева И. Т. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху. Екатеринбург: УрГУ, 2002.
4. Ильин И. П. Постмодернизм // Современное зарубежное литературоведение (страны Западной Европы и США). Концепции. Школы. Термины: энциклопедический справочник. Изд-е 2-е, испр. и доп. М.: Интрада; ИНИОН РАН, 1999.

5. Кузнецова А. В. Метатекст в художественном тексте: прагматика и функции // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. Т. 13. Вып. 9.
6. Липовецкий М. Н. Из предистории русского постмодернизма (метапроза Владимира Набокова от «Дара» до «Лолиты») // Липовецкий М. Н. Русский постмодернизм (очерки исторической поэтики). Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 1997.
7. Лотман Ю. М. Текст в тексте // Лотман Ю. М. Об искусстве. Структура текста. Семиотика кино и проблемы киноэстетики: статьи, заметки, выступления (1962-1993). СПб.: Искусство-СПб, 1998.
8. Лукина Н. В. Метаобразование как средства диалогизации художественного текста (на материале произведений Т. Толстой) // Гуманитарные исследования. 2009. № 3 (31).
9. Ляпон М. В. Смысловая структура сложного предложения и текст: к типологии внутритекстовых отношений. М.: Наука, 1986.
10. Можейко М. А. Логоцентризм // Постмодернизм: энциклопедия / сост. А. А. Грицанов, М. А. Можейко. Мн.: Интерпрессервис; Книжный дом, 2001.
11. Норман Б. Ю. Грамматика говорящего. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1994.
12. Перфильева Н. П. Метатекст в аспекте текстовых категорий: монография. Новосибирск: Немо Пресс, 2006.
13. Рябцева Н. К. Коммуникативный модус и метаречь // Логический анализ языка. Язык речевых действий / под ред. Н. Д. Арутюновой. М.: Наука, 1994.
14. Успенский Б. Поэтика композиции. СПб.: Азбука, 2000.
15. Шаймиев В. А. Композиционно-синтаксические аспекты функционирования метатекста в тексте (на материале лингвистических текстов) // Русский текст. 1996. № 4.
16. Шумарина М. Р. Рефлексив в художественном тексте: сущность и формальная типология // Теоретические и прикладные аспекты современной филологии: мат. XIV Всерос. филол. чтений им. проф. Р. Т. Гриб (1928-1995). Красноярск: СФУ, 2009. Вып. 9.

Информация об авторах | Author information

Кудрявцева Мария Игоревна¹, к. филол. н.

¹ Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону

Kudryavtseva Mariya Igorevna¹, PhD

¹ Southern Federal University, Rostov-on-Don

¹ mia@sfedu.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 10.08.2022; опубликовано (published): 30.09.2022.

Ключевые слова (keywords): постмодернизм; художественный дискурс; метатекст; художественный текст; прагматика; postmodernism; artistic discourse; metatext; artistic text; pragmatics.